

Владимир Жуков

БЕЛОКУРАЯ

БЕСТИЯ

трагикомедия

18+

Владимир Жуков
Белокурая бестия

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Жуков В. А.

Белокурая бестия / В. А. Жуков — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Сюжетом для повести послужила реальная история. Среди участников «любовного треугольника» майором авиации, его новоиспеченной женой, ее дочерью на почве ярких страстей и коварной ревности возникли сложные отношения. В рассказах также отражены деяния «героев» конкретных любовных историй.

1. Костюм для майора

Войдя в секцию «Мужская одежда», Валентин Авдеевич Тернистых почувствовал себя, как на минном поле, неуверенно и беспомощно. Он прошел вдоль рядов с выставленными на показ мужскими костюмами из разных тканей различных расцветок. Приблизился к отделу, где висели костюмы подходящих размеров. Суетливо ощупывал ткань, изучал бирки и ценники. Все чаще попадались на английском языке и китайских иероглифах. Невозможно было понять, каков размер изделия. Не мог он определиться и с цветом костюма: черный или темно-синий или светло-кремовый с тройкой...

«Вот досада, оказывается не так то просто выбрать хороший костюм, чтобы он радовал, а не огорчал впоследствии», – подумал Тернистых, и остановился в полной растерянности. Вытер носовым платочком вспотевший лоб. Увидел в огромной зеркало унылое выражение своего лица и заметил приблизившуюся из-за спины женщину-продавца в фирменной одежде.

– Мужчина, мне кажется, что вы нуждаетесь в срочной помощи, – произнесла она. – На вас больно смотреть.

Валентин Авдеевич обернулся и встретил ее добрый сочувствующий взгляд. Милое лицо карие глаза, среднего роста с изящной фигурой.

– Если больно, то помогите, – сдержанно улыбнулся он.

– Судя по всему, вы затрудняетесь в выборе костюма? – спросила женщина, ласково улыбнувшись губами, тонко очерченными перламутровой помадой.

– Да, пожалуй, – признался он и попросил. – Мне бы такой костюм, чтобы не слишком дорогой и не очень дешевый.

– Покупка костюма – дело серьезное, – заметила она. – Обычно мужчине в этом помогает жена или невеста. Поэтому я поначалу решила, что вы рассматриваете швейные изделия ради праздного любопытства. Есть такая категория людей и среди вашего брата, а не только женщин. Почти каждый день приходят, словно в музей, смотрят, но ничего не покупают. Своеобразное хобби. Наверное, от этого какое-то удовольствие получают. Краж вроде бы не совершают, приходится их терпеть. Так вам жена доверяет подобную покупку?

– Я холост, – почему-то смутившись, признался Валентин Авдеевич.

– Что же так? Видный, интересный мужчина в расцвете сил? – неподдельный интерес появился в ее глазах.

– Служба прошла в закрытых гарнизонах, а невест там не густо, – пояснил он. – Не отбивать же жен у своих друзей – офицеров не соблазнять же их юных дочерей. Честь и совесть не позволяли. Теперь вот ушел в запас, на пенсию. Старый костюм обносился, вышел из моды. Я его редко одевал, все больше в мундире. Он свою вахту отслужил, вот я и решил приобрести цивильную одежду. А мундир, разве что по военным праздникам буду одевать.

– Такой молодой, а уже пенсионер. Мне до пенсии еще восемнадцать лет здесь среди одежды томиться, – вздохнула она. – И до какого звания вы дослужились, если это не военная тайна?

– Для вас, Любовь Андреевна, – Тернистых прочитал ее имя на карточке, приколотой к элегантному бирюзового цвета костюму. – Никаких тайн. Я – майор, военный летчик. Служил бы и дальше, но пошла кампания расформирования авиаполка, сокращений и увольнений. Лет выслуги у меня было достаточно, поэтому подал рапорт, чтобы остались на службе друзья, у которых семьи и дети. Мне на одного пенсии хватит, да и подрабатывать смогу по инженерной части. Голова на плечах и руки не крюки. Всякую там технику, электронику смогу ремонтировать.

– Значит, гуманно поступили, – похвалила Любовь Андреевна. – Как только вы появились в секции, я сразу по выправке поняла, что из военных или из налоговой милиции, поэтому

решила не беспокоить. Итак, товарищ или господин майор, коль у вас нет жены, то я на время ее заменю. Позвольте вас обслужить. Значит, вам нужен костюм?

– Конечно, за тем и пришел, – обрадовался он.

– Я так полагаю, что костюм должен быть не слишком ярким и светлым и не очень темным и мрачным, чтобы его можно было одеть по любому случаю. Правильно? – спросила она.

– Правильно, очень верно. Я ведь не артист, чтобы выступать на сцене, – произнес Тернистых. – Мне богатый гардероб, несколько костюмов ни к чему. Сорочки, галстуки – это другое дело надо разнообразие, а костюма и одного достаточно.

– Кстати, как вас зовут, товарищ майор? Мое имя и фамилию вы прочитали на жетоне, – улыбнулась Любовь Андреевна.

– Валентин Авдеевич Тернистых, – представился он. – А у вас имя, и фамилия прекрасны – Любовь Чародеева. Наверное, потому, что вы магически очаровательная женщина.

– Спасибо за комплимент, – просияли ее глаза. Она бережно взяла его под руку и подвела к сектору, до которого он прежде не дошел.

– Здесь костюмы отечественного производства, но по качеству ткани, элегантности модели и красоте не уступают импортным, даже их превосходят, – пояснила она. – А цена вполне доступная. Снимите-ка вашу куртку.

Тернистых исполнил ее просьбу. Чародеева взяла из его рук летнюю куртку. Оценивающе поглядела на его статную фигуру в мундире летчика с эмблемами и большой звездой на погоне с двумя просветами со знаками отличия на широкой груди.

– Вы замечательно выглядите, – с теплотой в голосе сказала Любовь Андреевна.

– Стараюсь, – улыбнулся майор и заметил. – Сказывают, что сейчас, как на карнавале или маскарде, в моде малиновые и зеленые пиджаки?

– Да, их носят чиновники и представители криминала, чтобы выделиться.

– Неужели? Я об этом не знал, – признался он.

– Вы ведь к ним не имеете отношения?

– Нет, конечно, нет. Я – офицер авиации, человек чести и долга, с бандитами не связан.

– Тогда малиновый или зеленый пиджак вам ни к чему. Это дресс-код представителей криминала.

Она повесила его куртку на плечики. Сняла с вешалки костюм стального цвета.

– Будьте добры, Валентин Авдеевич. Вам этот цвет нравится?

– Так точно!

– Тогда примерьте, – она подала костюм и указала взглядом на свободную кабину. – Одевайтесь, позовите. Я погляжу, как он на вас сидит.

– Так точно! – еще не отвыкнув от дисциплинарного и строевого уставов, отозвался он. Зашел в кабину, зашторил. Снял мундир, брюки и туфли. Надел новый костюм, застегнул пуговицы. Взглянул в зеркало на свое изображение, пригладил короткие волнистые волосы, слегка тронутые на висках первым налетом седины.

«Я еще могу нравиться женщинам, – с удовлетворением подумал Тернистых. – Вся молодость прошла, то в училище, то у черта на куличках в дальних гарнизонах и на аэродромах с подземными ангарами. Пора ощутить вкус светской жизни. Пожить в свое удовольствие, а не только для державы, политиков, приведших к ликвидации воинских частей, разрушению военных городков и современных аэродромов и особенно в Крыму, прежде непотопляемом авианосце Краснознаменного Черноморского флота. К черту этих бездарных, бестолковых политиков, разрушивших самое сильное государство. Но история не прощает подобных трагедий».

– Любовь Андреевна! – позвал он. – Я готов.

Женщина откинула полог шторы и вошла, наполнив кабину духами. Смерила покупателя с головы до пят, аккуратно повернула его по оси. Он легко повиновался этим движениям.

Женщина, касаясь локонами каштановых волос его лица, разгладила ладонями ткань на его плечах, одернула полы костюма. Проверила, не тесны ли брюки.

– Пожалуй, сойдет, я неприхотлив, за модой не гонюсь, – произнес Тернистых, томимый ее молчанием.

– Эх, почти все мужчины похожи друг на друга, только бы быстрее и все дела, – ласково упрекнула Чародеева. – Брюки в самый раз, а вот пиджак немного тесноват. Если только на сорочку, то подойдет, на пуловер или свитер – затрещит по швам. Надо брать с небольшим запасом. Плечи у вас, Валентин Авдеевич, как у дискобола или метателя ядра, да и вся фигура спортивная, атлетическая. Любо-дорого поглядеть.

– Веду здоровый образ жизни, активно занимаюсь физподготовкой, по утрам качаю пресс, принимаю холодный душ, чтобы быть в форме, – ответил он. – Привычка, как говорят, вторая натура.

– Это полезная привычка, продолжайте в том же духе, – похвалила она. – Мужчина должен быть крепким, энергичным и выносливым, тогда и потомство будет здоровым. Верно, ведь говорят, какое семя, такое и племя. Женщины таких мужчин, как вы, очень обожают. Вялость и немощь – удел стариков. Вы ведь, наверняка, не курите и не пьете?

– Не курю, но пью в меру по праздникам, когда есть повод.

– Так вы – идеальный мужчина. Вам не более сорока лет?

– Почти угадали, сорок три.

– Замечательный возраст, зрелости и мудрости, – подчеркнула Чародеева. – Так на пенсии, будучи одиноким человеком, холостяком, у вас уважаемый Валентин Авдеевич, есть шанс набрать вес. Следует лишнюю энергию сжигать, вы, надеюсь, знаете, каким способом. Все же советую, взять костюм по просторнее, чтобы не сковывал движения и вы себя в нем чувствовали не, как рыцарь в кольчуге или панцире, а свободно и раскованно. Я понимаю, вы привыкли к мундиру, португее, стягивающей словно корсет. Но теперь у вас другая жизнь, другой режим. Вам этот костюм нравится, только честно?

– Нравится, хотя привык к темно-голубой форме, – признался он. – Но вы правы, надо избавляться от стереотипов, от стандартов, ведь мир ярк и многоцветен.

– Вот именно. Вы подождите в кабинке, а я принесу точно такой же костюм, но размером больше, – велела она. Тернистых терпеливо примерил второй костюм. Любовь Андреевна, вновь, обдав его ароматом духов, разгладила лацканы. Он почувствовал на своей щеке касание ее волос, горячее дыхание. Она, будто невзначай прильнув к нему грудью, тут же отстранилась. Еще раз повертела его, пристально оглядела и довольная, словно обнова предназначалась ей, сообщила:

– Вот теперь в самый раз. Платите в кассу и костюм ваш. Если хотите, можете его не снимать. Я упакую ваш мундир?

– Будь, по-вашему, – согласился он.

– Юля! – Чародеева окликнула девушку, сидевшую за кассовым аппаратом. – Прими у Валентина Авдеевича деньги за костюм, который на нем. Я выпишу квитанцию.

– Хорошо, – отозвалась Юля. Любовь Андреевна аккуратно упаковала мундир в бумагу, перехватив крест – накрест шпагатом, подала Тернистых летнюю куртку и любезно проводила к кассе, где он расплатился за покупку. Отойдя вместе с ним к витрине шагов на пять, призналась:

– Очень приятно было с вами познакомиться.

– Мне тоже, – галантно склонил он голову. – Очень вам благодарен за помощь в выборе хорошей вещи. Для меня, как вы смогли заметить, это целая проблема. Не люблю ходить по магазинам и рынкам. Я дилетант в бытовых вопросах. Моему приятелю, однополчанину Анатолию однажды на вещевом рынке всучили импортный костюм по дешевке. Он походил в нем

пару дней, попал под дождь и костюм расползся, посыпался, как будто бумажный. Вскоре выяснилось, что он из набора ритуальных услуг для покойника.

– Какой ужас! – вскрикнула продавец. – В таких делах надо доверять женщине.

– Он закоренелый холостяк.

– А вы? – интригуяще улыбнулась она.

– Женщины мне нравятся, без них жизнь серая и неуютная, – вздохнул Тернистых.

– Извините за любопытство, а есть кто-нибудь у вас? Я имею в виду даму сердца? – спросила она.

– Нет, но, кажется, будет, – он смело заглянул в глубину ее глаз, заставив женщину отвести взгляд в сторону. Выдержав паузу, видимо решая, стоит ли откровенничать, она прошептала:

– Мне кажется, что мы вами родственные души. Я – мать-одиночка, живу с дочерью. Ей девятнадцать лет, студентка университета. Вот вам мой телефон и адрес на тот случай, если вдруг костюм вам разонравится. Я его поменяю без всяких проблем. Звоните без стеснения. Чародеева подала ему золотистый квадратик визитки с витиеватой вязью текста.

– Простите, у меня визитки нет, – смутился Валентин Авдеевич. – Прежде не придавал этому значения, да и знакомых немного. Я вам позвоню, обязательно позвоню...

– Если не возражаете, то я подберу к костюму сорочку и галстук?

– Буду вам признателен, но сейчас не располагаю нужной суммой, – ответил майор. – Прихватил с собой только на костюм.

– Не волнуйтесь, что-нибудь придумаем, – загадочно улыбнулась Чародеева и, вспомнив мотив из кинофильма, нежно пропела. – Главное чтобы, главное чтобы костюмчик сидел....

– С вашей легкой руки будет точно сидеть, – улыбнулся Тернистых, тоже вспомнив потешную сцену из популярного кинофильма. Поверх костюма надел теплую летнюю куртку и в прекрасном настроении вышел из универсама. Сгустились сумерки, угасал короткий и холодный декабрьский день.

2 . Строптивая Надежда

«Костюм подошел в самый раз. Вроде бы, нет повода беспокоить Любовь Андреевну, – уже на следующий вечер, расхаживая по своей однокомнатной квартире, размышлял Валентин Авдеевич. – Однако не каждому же покупателю она вручает визитку. Наверняка, это знак для продолжения знакомства и отношений. Все-таки, без женщин скучно жить на белом свете».

В его памяти всплыло ее милое лицо, ласковые глаза и сочные губы, ощутил тонкий запах духов, который он поначалу не уловил. Он вспомнил, как по-домашнему просто, словно с давно знакомым, Чародеева взяла его под руку, как тщательно подбирала костюм. «Стала бы она так возиться с незнакомым покупателем, если бы не испытывала к нему симпатии? Не обмолвилась бы и словом о себе, – подумал он и решительно снял трубку с аппарата и, глядя в визитку, набрал номер.

– Слушаю вас, – прозвучал бойкий девичий голос. Валентин Авдеевич растерялся, но тут же сообразил, что голос может принадлежать ее дочери.

– Слушаю вас, говорите.

– Извините, квартира Чародеевых?

– Да, вы не ошиблись, – с нотками удивления ответила девушка.

– Тогда пригласите, пожалуйста, Любовь Андреевну, – попросил он.

– Кто ее спрашивает?

– Валентин Авдеевич? Впервые слышу, – и почувствовал, как она затаила дыхание, а потом позвала.

– Мам, это тебя, какой-то Валентин Авдеевич.

– Слушаю, – узнал он ее нежный голос и с волнением ответил.– Добрый вечер Любовь Андреевна.

– Очень добрый вечер, – согласилась она.

– Прошу простить за беспокойство...

– Что-нибудь с костюмом не так?

– С костюмом все в порядке, я вам очень благодарен,– унял он волнение.– Считайте меня своим должником.

– Это моя работа. Покупатель должен быть доволен обновой. Тогда он и в следующий раз не обойдет универмаг стороной. Конкурентов ведь пруд пруди.

– Мне следовало бы написать благодарность в книгу жалоб и предложений. Я обязательно это сделаю,– пообещал он.

– Теперь такие книги не ведутся,– звонко рассмеялась Чародеева. – Но мне приятно ваше желание оставить свой автограф.

– Мне очень приятно слышать ваш голос, если вы не возражаете, то я хочу с вами встретиться? – с некоторой робостью произнес Тернистых и с радостью услышал отклик.

– Не возражаю, – охотно согласилась женщина.– Откровенно говоря, я очень ждала вашего звонка. Где и когда вы предлагаете встретиться?

– Сейчас, сегодня, не будем откладывать в долгий ящик, – попросил он.– В каком-нибудь уютном кафе или ресторане. Надо же, как положено, обмыть костюм, чтобы хорошо и долго носился.

– Да, традицию не следует нарушать, – поддержала она.– Встретимся у меня дома. Устала я от общественных мест, от суеты, да и вас не хочу разорять. Мы достаточно взрослые люди, поэтому не будем тешить себя романтическими свиданиями. Через час-полтора жду вас. Заодно познакомлю с дочерью, она сгорает от любопытства. Правда, Надя?

– Еще бы,– услышал он девичий голос.

– Любовь Андреевна, я с радостью принимаю ваше предложение, – согласился он.– Вы практичная женщина.

– Я в этом не сомневаюсь,– нежно произнесла Чародеева, и напомнила.– Мой адрес указан в визитке.

Минуты две-три Тернистых раздумывал, что одеть? Парадный мундир со знаками отличия сочтут за нескромность и солдафонство. Тогда первый визит в гости в новом костюме. В шифоньере он отыскал старую армейскую рубашку и галстук в полоску.

Ровно через час он был на лестничной площадке седьмого этажа перед дверью квартиры Чародеевых. Один из пакетов поставил у ног и нажал кнопку электрозвонка. Поднял пакет. Засветился стеклянный зрачок “глазка” и через несколько секунд металлическая дверь, плотно обшитая деревянными рейками, отворилась.

Тернистых увидел Любовь Андреевну в длинном, облегающем ее фигуру, пурпурном платье с глубоким декольте. Ее глаза сияли, а на губах с блеском помады под цвет платья играла загадочная улыбка. Рядом с ней в бирюзовой блузке с кружевным воротничком и короткими рукавами, в черной короткой юбке, стягивающей красивые бедра и с иронично-веселой улыбкой на лице, стояла девушка.

Она была почти на полголовы выше матери, но ее точная копия, только обликом моложе. Лицо нежно-персикового цвета. Золотистые и мягкие словно лен, волосы рассыпаны на хрупких плечах. В вырезе блузки он заметил ромбик-кулон на золотой цепочке. Держа пакеты в руках, офицер смутился, замешкался.

– Еще раз добрый вечер,– приветствовал он, не решаясь перешагнуть через порог.

– Что же вы стоите, Валентин Авдеевич? Проходите, прошу,– пригласила хозяйка квартиры. Он вошел в прихожую.

– Это вам, Любовь Андреевна, – достал из пакета и подал ей три белые гвоздики, завернутые в блестящую фольгу.

– Ой, мои любимые цветы! Обожаю все белое и чистое. Как вы угадали? – она, привстав, прикоснулась губами к его гладко выбритой щеке. Аккуратно вытерла платочком след от губной помады. Он ощутил знакомый запах дорогих духов.

– Знакомьтесь, моя дочь Надя. Помните, как Анна Герман пела «Надежда – мой компас земной...»

– Не сложно догадаться, вы очень похожи и обе очаровательны. По цвету волос только и можно различить, – заметил он.

– Дочь решила стать блондинкой, а у меня естественный цвет, я не признаю красители и “химию”. Так могут нахимичить, что без волос останешься.

– Надежда, – девушка подала теплую и голую по локоть руку с длинными, как у пианистки пальцами, слегка преклонив колено.

– А вам, Надя, молочный шоколад, чтобы жизнь не казалась горькой, – Тернистых положил на ее ладонь плитку “Каприза”, заметил немой укор в ее зеленовато-голубых глазах.

– Спасибо, – сухо промолвила девушка и неожиданно скаламбурила. – Молочный шоколад, наверное для того, чтобы молока больше было?

Он смутился, а Любовь Андреевна пожурела дочь:

– Оставь свои приколы, с ровесниками хохми, прикусили язычок.

«Интересное начало, видно девице палец в рот не ложи, откусит. Надо было ей купить тоже цветы, орхидеи или розы, – с досадой подумал он, вспомнив свои недавние колебания среди обилия благоухающих цветов в букетах и корзинах в подземном переходе под площадью Советской. Он тогда предположил, что Любви Андреевне может, не понравится, что и ее дочери он подарит цветы.

«Попробуй, разберись в этой женской психике, в их логике, чувствах и капризах, – посетовал он. – Кажется, Надежда обиделась. Вот, конфуз, знал ведь, что взрослая девушка, а не ребенок, чтобы потчевать шоколадкой. Ладно, в следующий раз таких проколов не будет. Надо следовать мудрой истине: дарите женщинам цветы. Он подал Чародеевой пакет с шампанским и цитрусовыми, лимонами, апельсинами, киви, гранатами, хурмой...»

– А это к чаю или кофе, – достал из второго пакета украшенный розоватым кремом киевский торт в прозрачной пластмассовой коробке.

– Ой, сколько сладостей, нам с Надей нужно соблюдать диету, иначе растолстеем, как та хохлушка Руслана Писанка, что погоду предсказывает, – пошутила Чародеева. – Мужчины любят стройных, изящных под стать топ-моделям. Вот и приходится отказывать себе в удовольствиях.

– Вам полнота и ожирение не грозят, – возразил Валентин Авдеевич, взглянув на загрустившую девушку. – Один раз в неделю можно полакомиться тортом или другими сладостями.

– Другими? Какими же лакомствами? – усмехнулась Надя, многозначительно взглянув на гостя.

– Пирожным, зефиром, шоколадом, – смутившись, перечислил гость.

– А я думала-гадала... – нараспев прошептала Надежда.

– Прошу вас, Валентин Авдеевич, – потеснила дочку мать, указав жестом на открытую дверь гостиной. Под сверкающей хрусталем люстрой он увидел богато сервированный стол – на фаянсе посуды благоухали яства. В маленьких вазочках клюквой поблескивала красная, на другой вазочке черникой – черная икра. На блюдах аккуратно были разложены, нарезанные кольцами колбаса, ломтиками сыр, оливье, салаты, маринованные огурцы и помидоры, дольками лимон, апельсины.

На белоснежных салфетках – серебряные вилки, ножи. В центре стола две бутылки сухого и крепленного марочных вин фирмы «Дионис» и бутылка союз-виктановской водки

«Охота». На тумбочке возле телевизора «Филипс» и мебельной стенки, щедро заставленной посудой и сувенирами, сервизами, возвышалась большая богемского стекла ваза.

– Чем богаты, тому и рады,– улыбаясь, пропела Чародеева, внимательно следя за реакцией Валентина Авдеевича, впечатленного увиденным.

– И когда вы только успели управиться? – похвалил он.

– Надюша помогла, первая помощница, вся в меня, характером, красотой и темпераментом, вылитая копия,– с гордостью ответила женщина.– Поэтому холодильник у нас не пустует. Всегда держим продукты про запас, на всякий пожарный случай. Сегодня как раз такой очень приятный случай. Можно сказать, событие.

Они сели за стол. Хозяйка заботливо прикрыла его колени полотенцем. Тернистых кивком головы поблагодарил и аккуратно открыл шампанское. Наполнил хрустальные фужеры.

– За знакомство, за вас очаровательные леди!– предложил он тост, не отличающийся оригинальностью. Выпили, налегли на закуску. Наступила пауза, которую неожиданно разрядила Надежда:

– У вас, Валентин Авдеевич, простите за прямоту, в отношении моей матери серьезные намерения или очередной бурный роман без продолжения? Или так, легкий флирт без последствий. Потешились и разошлись, как в море корабли или, как летчики в небе?

– Надя! Надька! Сейчас же прекрати,– краска смущения залила лицо Чародеевой. – Первый раз в жизни видишь человека и такие каверзные, бестактные вопросы.

– Зачем вам на старости лет в кошки-мышки играть,– заупрямилась дочка.– Давно уже не маленькие, знаете, для чего сходятся мужчина и женщина.

– Какая ты у меня умная-преумная, постыдилась бы Валентина Авдеевича. Что о нас подумает. Это у вас, молодых да ранних, не успели познакомиться и в тот же день в постель, а потом разбежались.

– Для меня это далеко не праздный вопрос, – не уступала Надя.– Я должна знать, чтобы планировать свою жизнь, избрать тактику поведения в связи с неожиданными переменами и обстоятельствами.

– Лучше сосредоточь свой интеллект, свое чрезмерное любопытство на подготовке к зимней сессии, подчисти “хвосты”, а то провалишься с треском,– посоветовала мать.– В сугубо личных отношениях мы с Валентином Авдеевичем разберемся сами.

– Мне ваша матушка, Любовь Андреевна, очень нравится, – заявил Тернистых, чтобы уладить спор. – Я готов ей с радостью предложить свою руку и сердце. Последнее решающее слово за ней.

Он смело взглянул на Чародееву, но та, взволнованная его признанием, не торопилась с ответом. По нежному взгляду, которым она его одарила, нетрудно было догадаться, что согласна. Возможно, такое решение у нее родилось еще там, в универмаге, когда впервые увидела майора и отдала ему визитку. Обмен влюбленными взглядами не ускользнул от наблюдательной дочери.

– Давайте еще выпьем по одной,– уклонившись от прямого ответа, предложила Любовь и Валентин Авдеевич, будучи джентльменом, не стал настаивать.

– Что будем пить? Сухое или крепленое вино? – спросил он сначала старшую, а затем и младшую Чародеевых.

– Пожалуй, крепленое вино, но немного, чтобы не опьянеть,– промолвила Любовь Андреевна.

– А вы, что предпочитаете? – лукаво усмехаясь, встретила его вопросом Надя.

– Я, если позволите, «Охоту». Целебный, настоящий на крымских травах, напиток повышает тонус.

– Потенцию,– бесцеремонно уточнила девушка.

– Надь, опять ты за свое, не смущай гостя, прикуси язычок,– одернула ее мать.– Тебе даже шампанское нельзя пить, становишься развязанной и агрессивной.

– Если шампанское нельзя, тогда попробую «Охоту»,– отбросила она за спину длинные роскошные волосы, пропустив мимо прелестных ушей замечание матери. Он сначала наполнил вином “Сурож” фужер Любви Андреевны, а затем отвинтил колпачок на прямоугольной бутылке «Охота». Наполнил золотистым напитком пятидесятиграммовые хрустальные стаканчики.

– За ваше очарование, любовь и согласие! – провозгласил он тост и тихо скомандовал себе.– Господа офицеры!

Выпил стоя. Надежда последовала его примеру и, даже не закусив, заплодировала в ладони:

– Bravo, Валентин Авдеевич, настоящий гусар, отважный офицер! И ответьте, будьте добры, если это не является военной тайной, где вы с мамой собираетесь провести свой медовый месяц? Будет же у вас медовый месяц или хотя бы неделя?

– Надька, ты переходишь все границы приличия. Отстань от человека, – потребовала Чародеева.

– Что естественно, то не безобразно. Я хочу братика или сестричку. Так ведь, Валентин Авдеевич? – подмигнула ему девушка.

– Да-а, что-то в этом роде,– дипломатично ответил он, стараясь не обидеть, а она продолжила.– Я на правах дочери должна знать. Может, вы собираетесь в свадебное путешествие, в морской круиз, куда-нибудь на Канары, Багамы или Мальдивы, а возможно укатите в Ялту или Сочи, где белые ночи? Хотя какой зимой курорт, тогда на маминой даче. А где мне горемычной и одинокой приткнуться?

– Угомонись, дочка. Хватит ломать комедию, прикидываться несчастной и обиженной, – пожурила ее мать.– А вы, Валентин Авдеевич, меньше на нее внимания обращайтесь, не потакайте девичьим капризам и шалостям. Это еще та устрица, язык без костей, плетет все, что в голову взбредет. Ей дай волю, с ногами на голову влезет.

Не желая сознаваться, что его скромные средства не позволяют отправиться в свадебное путешествие, майор оставил ее вопрос без ответа. Почувствовал, что кто-то легонько прикоснулся к его ноге под столом теплой маленькой ступней. Невзначай обронил салфетку и наклонился.

Это была Надина красивая оголенная в темной паутинке колготок изящная ножка. Девушка, дразня его, то сводила, то медленно раздвигала круглые колени, юбка заголилась до самых бедер. Он поднял с ковра салфетку и напряженно смял ее пальцами не в силах отвести глаз от девичьих ног. Почувствовал в висках напряженный ток крови.

«Вот бестия, она меня соблазняет или провоцирует на скандал? – подумал он смущенно. – Чем я ей не угодил или может, наоборот понравился? Надо сохранять выдержку и хладнокровие. Похоже, что попал из авиации на бал. Если такими темпами и дальше дело пойдет, то мне обещана развеселая жизнь, скучать не придется.

Надежду надо поставить на место, я ведь здоровый мужик и могу не устоять перед соблазном и тогда будущей семейной жизни хана. А может у нее с головой не все в порядке. Однако она мыслить здраво, логично с иронией и даже сарказмом. Если бы было что-то не так, то давно бы отчислили из университета. Там профессора, они народ зоркий и ушлый. А может мне на этом оборвать знакомство и как Анатолий жить свободной любовью по настроению и потребностям. Нет, не следует усложнять ситуацию. Люба мне нравится и коль я решил, то Рубикон перейден».

Такие мысли мгновенно промелькнули в его сознании. Тернистых поспешно выпрямился. Надя смотрела на него невинными глазами и ела бутерброд с маслом и красной икрой, в глубине души понимая, что добавила адреналина в его кровь.

– Вам неудобно сидеть? – заметив его ерзание, спросила Любовь Андреевна.

– Все в порядке, салфетку обронил, – солгал он и зарделся.

– Когда вы с мамой поженитесь, а дело идет к этому, как прикажите вас называть? Папочкой, по имени-отчеству или воинскому званию? – склонив набок прелестную голову, поинтересовалась Надежда.

– Я не намерен кому-либо приказывать, здесь не армия, все равны, – заметил он. – Конечно, Наденька, когда мы с Любой заключим брак, мне бы очень льстило услышать от вас папа. Это высокая честь иметь такую взрослую дочь-невесту, обаятельную и умную. Но не будем опережать события, жизнь мудрее нас. Зовите меня по имени-отчеству или просто Валентином. Но это будет зависеть от того, согласна ли Любовь Андреевна выйти за меня замуж?

– Я согласна, – смущенно прошептала женщина.

– Спасибо, родная, – Тернистых поднялся из-за стола. Подошел к ней и крепко поцеловал в полуоткрытые губы.

– Горько, горько! – но без горячего энтузиазма повторила Надежда, он ощутил на себе ее ревнивый взгляд.

– Пора бы уже вам перейти на «ты», а то, как дипломаты за столом переговоров, – упрекнул девушка.

– Действительно, так ближе и теплее, – согласился Валентин Авдеевич.

– Теперь я тебя буду называть святым Валентином в честь дня всех влюбленных, – заявила Надежда.

– В святые канонизируют после смерти, – пояснил он. – А я пока еще, слава Богу, живой и как все люди, живущие на земле, грешен. Слаб человек.

– Покайся и Господь отпустит все грехи, – посоветовала девушка и озадачила следующим вопросом. – А почему только майор, а не полковник или генерал авиации? Что слабо?

– Тебе с того, какая печаль? – вступилась за Валентина Люба.

– Хотела бы стать дочерью полковника, а еще лучше генерала, чтобы подружки от зависти лопнули.

– Конечно, мог бы дослужиться до полковника, но не до того, о котором поет Алла Пугачева, а до настоящего, – улыбнулся он. – Три года назад мне предлагали должность заместителя командира полка, но я отказался. Вообще, я не из категории людей, делающих карьеру любой ценой. Но все равно горжусь тем, что внес свою лепту в укрепление обороны страны. Безупречно служил в авиационном полку, который дислоцировался в Багерovo.

После развала Советского Союза полк расформировали, но до сих пор существует уникальная взлетно-посадочная полоса длиной три километра и шириной шестьсот метров. Все наземные сооружения, здания охотники за цветными металлами раскурочили и разрушили. Сохранилась лишь полоса, только потому, что ее без мощных бульдозеров, тягачей и подъемных кранов не смогли демонтировать. Построена была добротной, на совесть. Не только в сверхсекретных институтах, лабораториях, на военных заводах, но и в Багерovo ковался ядерный щит страны.

Тернистых сделал паузу, перевел дыхание. По одухотворенному выражению его лица и тембру голоса не сложно было догадаться, что рассказ доставляет ему удовольствие.

– Ты тоже ковал ядерный щит? – поинтересовалась Надежда.

– В какой степени, хотя главные кузнецы были до меня. Именно офицеры, служившие в конце сороковых годов, вплоть до семидесятых. В Багерovo действовал секретный учебный полигон. Отсюда взлетали стратегические бомбардировщики ТУ с атомными бомбами, под названием «изделие», в том числе первую водородную бомбу, и сбрасывали их на Семипалатинском полигоне. Наиболее мощные ядерные заряды были сброшены на полигоне острова Новая Земля.

Там была испытана самая мощная в мире бомба, которую Никита Хрущев назвал «кузькиной матерью» и угрожал разнести американцев в пух и прах. Багеровский аэродром был резервным для посадки многоразового космического корабля «Буран». К сожалению, этот уникальный беспилотный аппарат совершил всего один полет. После развала страны на этом и других перспективных проектах был поставлен крест.

– Как интересно, увлекательно, – с блеском в глазах разлепила алые губы Надежда. – Впервые от вас слышу, наверное, обладаете военными секретами.

– Теперь это уже не является тайной, – улыбнулся майор. – Есть сведения в открытой печати, написаны мемуары, опубликованы рассказы, статьи, интервью участников ядерных испытаний. Некоторые из них, в том числе испытывавшие водородную бомбу, доживают свой век в Керчи и Багерово. Пожалуй, последние из могикан

– Товарищ майор, у вас есть штаны с лампасами? – неожиданно спросила Надежда.

– Не приставай с глупыми вопросами, – мать дернула ее за рукав блузки.

– Штаны с лампасами? – рассмеялся гость и пояснил. – Ни штанов, ни шаровар и шортов с лампасами не бывает, только брюки. На моих брюках лишь синий кант, а лампасы положены генералу. Увы, до такого высокого звания я не дослужился. Для этого следовало окончить военную академию, но я не стремился получить туда направление. Без связи с офицерами штаба дивизии, протекции было проблематично сделать успешную карьеру. Работа локтями, достижение цели любой ценой, претит моей совести и принципам.

– Жаль, очень жаль, – огорчилась Надежда.

– Уймись, о чем жалеть? – усмехнулась Любовь Андреевна. – Если бы Валентин стал генералом, даже полковником, то не сидел бы сейчас с нами рядом. Его бы генеральша от себя не отпустила. Поэтому все, что ни делается, к лучшему. Мы должны благодарить судьбу за то, что она нас свела с таким прекрасным человеком.

– Благодарю, ведь судьба не меня, а тебя свела с летчиком. А мне нравится разговаривать с умным человеком. Приятно, что в армии есть интеллектуалы и эрудиты. Теперь я сомневаюсь в поговорке: как надену португею, то тупею и тупею.

– В армии, как и за ее пределами, разные люди, и сильные личности, и слабые служаки, приспособленцы, – произнес офицер. – Немало умных, глубоко мыслящих офицеров, но есть и такие, кто слепо выполняет любой, в том числе глупый и нелепый, приказ вышестоящего начальника. Хотя по строевому и дисциплинарному уставам приказ начальника не подлежит обсуждению, а четко выполняется. Но некоторые офицеры, вместо того, чтобы оспорить неверный приказ, ради карьеры, берут под козырек.

– Валентин, тебе прыгать с парашютом или катапультироваться приходилось? – поинтересовалась Люба.

– На моем счету тридцать прыжков, а вот катапультировался только на тренажере. Поэтому ни одного истребителя не потерял, сколько было взлетов, столько и благополучных посадок. Бог миловал. А вот в других эскадрильях были жертвы. Профессия летчика, особенно военного, летающего на сверхзвуковых скоростях, и часто в экстремальных условиях, хоть и романтична, но очень опасна, сопряжена с повышенным риском. Патриоты должны защищать родную землю, небо, воздушный простор. Одних лишь ракетных комплексов СС-200 или СС-300 уже недостаточно для ПВО. Истребители МИГ и СУ всегда будут востребованы. Арабы и персы от них в восторге.

– Я слышала, что военные летчики не только рано уходят на пенсию, но и много зарабатывают? – продолжила девушка.

– Надя, ты же будущий психолог и должна знать, что неприлично интересоваться чужой зарплатой и пенсией, – упрекнула ее мать.

– Скоро она не будет чужой, – не полезла та в карман за словом.

– Я бы этого тоже хотел, – поддержал ее гость.

– Если прогулка на самолете отпадает, то хотя бы на иномарке с ветерком. У вас есть авто?– воспрянула Надежда.

– Увы, пока что я безлошадный, – признался он. – Раньше были «Жигули» первой модели, «копейка», но после того, как подорожал бензин, я ее продал.

–О-о! Так у вас есть валютный счет в банке. Mam, у тебя очень завидный, состоятельный жених,– обрадовалась девушка.

– Ни валютного, ни обычного счета нет. Я по примеру других офицеров, купил квартиру в Керчи и переехал из поселка Багерово, где после расформирования гарнизона, царит запустение, гуляет ветер, гонит по взлетно-посадочной полосе перекасти-поле...

– Все же жаль, что вы не генерал, – бросила реплику девушка и пропела ретро-шлягер. – Как хорошо быть генералом, как хорошо быть генералом, Стану я точно генералом, если капрала, если капрала переживу.

– Дело не в званиях, а в человеке, в его душевных качествах, честности и щедрости, – заметила Люба. Они выпили еще за Любовь и Надежду.

– Ах, девичья память, совсем позабыла, надо бы узелки завязывать, – спохватилась Чародеева. Открыла дверцу шифоньера и достала на плечиках белоснежную сорочку и шелковый с яркими цветами галстук:

– Это тебе от нас с Надей, от всего сердца к новому костюму.

– Лично от тебя, мамочка, а я о своем подарке еще подумаю,– откликнулась дочка. Они заставили Тернистых раздеться до майки и примерить сорочку и галстук.

– Настоящий жених,– оценила Надежда. Он увидел свое изображение в зеркалах трельяжа и остался доволен.

– Спасибо, мои родные, – поцеловал в мягкие губы старшую Чародееву и смущенно подошел к младшей. Надя тоже подставила сочные алые губки, но мать вовремя пригрозила:

– Надька, не шали.

Он поцеловал девушку в пухленькую румяную щеку.

– Однако, загостился я у вас, пора и честь знать,– взглянул он на табло с зелеными цифрами 23. 47. – Спасибо за хлеб, за соль, за теплый прием.

– Мы с Надей позаботимся о том, чтобы тебе было уютно и комфортно и ничто не омрачало настроение. Правда, Надя?

– Постараемся,– без особого азарта ответила дочь.

– Очень тронут, польщен вашим гостеприимством, вниманием, но я не собираюсь быть нахлебником, сидеть на довольствии слабых женщин, я не альфонс, – произнес Валентин.– Обязательно подыщу занятие для подработки. Сейчас много разных коммерческих фирм. Как мой однополчанин Анатолий Вершок, устроюсь охранником. Оружием и приемами самбо хорошо владею. Без дела не останусь, вот тогда завалю вас подарками. Конечно, шоколадом обычно балуют детишек, Надежде следовало бы подарить что-нибудь значительное и весомое. Как говорят, еще не вечер и это не последняя встреча.

– Обойдется, пусть ее женихи одаривают,– возразила Люба.

– Студенты нынче бедствуют, митинги протеста проводят,– не согласился Тернистых.– Выше голову, Надюша, за мною дело не станет. Прелестных девочек следует баловать и тогда они становятся еще краше. Даю слово офицера.

– Чудесный комплимент. Премного благодарна, святой Валентин. Я завязала узелок на память, – с лукавством улыбнулась она в ответ.

– Так точно! Рад стараться.

– Предки, когда вы распишитесь и сыграете свадьбу? – озадачила их Надежда.– Не собираетесь же вы, как любовники жить?

– Может, пока поживем в гражданском браке. Сейчас модно,– неожиданно предложил он, обескуражив Любу.

– Извини меня, Валентин, но на сожительство я не согласна,– обиделась женщина.– У меня много солидных друзей и знакомых. Что они обо мне подумают, да и перед дочерью неудобно. Какой мы ей пример подаем. Я не хочу, чтобы меня считали женщиной легкого поведения. Дорожу своей репутацией, только официальный брак. Прости за резкость, мне партнер на одну ночь не нужен. От таких ловеласов отбоя нет.

– Прости, Любаша у меня и в мыслях не было тебя обидеть,– покаялся он.– Но нам придется долго ждать после подачи заявления в ЗАГС. Дадут испытательный срок. Не хочу жертвовать ни одним днем. У нас впереди не так уж и много времени, мы ведь не молодожены.

– Не волнуйся, Валентин, – улыбнулась Люба.– В ЗАГСе у меня знакомый начальник, я ему подбираю костюмы и другую одежду на крупную нестандартную фигуру. Он тучный, как боров. Распишет в любое время, когда пожелаем.

– Тогда прекрасно, я готов скрепить наш союз!– с пафосом заявил он.

– Вот за это и выпьем! – Надежда сама разлила «Охоту» в стаканчики, поняв, что матери очень понравился его намек на интимную близость.

– За это стоит, – поддержал он предложение и выпил стоя.

– Куда ты, Валентин, на ночь, глядя, остался бы ночевать,– ухмыльнулась захмелевшая Надежда.– У мамки в спальне широкая кровать. Я охотно уступлю свое место, прилягу здесь на диване или раскладушке. В тесноте, как говорят, но не в обиде.

– Надька, угомонись, не встрейвай! – замахнулась на нее Чародеева.– Что ты предлагаешь, бесстыжие твои глаза?

– Что естественно, то не безобразно, – выдала свой аргумент дочка.

– Прежде чем провести брачную ночь, мы должны юридически оформить свои отношения,– заметила смущенная женщина.– Это у молодых нынче никакой морали и стыда. Только бы получить удовольствие, насладиться. У нас с Валентином все серьезно и прочно.

– Да, прочно и надежно, – ответил он на ее вопрошающий взгляд.– Я, пожалуй, пойду, уже довольно поздно, не хочу вас стеснять.

Если бы не Надины насмешливо-дерзкие намеки, то он не прочь был бы и остаться. Однако посчитал благоразумным не форсировать события, а соблюсти этикет приличия. На лестничной площадке, прикрыв от вездесущей Надежды дверь, Тернистых тепло попрощался с Любой. Она сама доверчиво прижалась к его груди и прошептала:

– Я очень хочу, чтобы ты остался, но перед Надей стыдно. Какой я дочери пример подам?

– Потерпи, у нас впереди медовый месяц и не один, – пообещал он, ощущая ее горячее, трепетное тело, предвкушая хмельные ночи. Поцеловал пылко и страстно.

3 . Медовый месяц

Вскоре под чарующие звуки вальса Мендельсона заключили брак, обменялись золотыми обручальными кольцами и выпили шампанское. Любовь Андреевна стала Чародеевой – Тернистых. Сыграли свадьбу, вернее устроили вечер для избранных. Под бесконечные тосты и напоминания, что рюмка – не микрофон, Спели весь репертуар песен о военных летчиках, танцевали вальс, танго, ламбаду и прочие шедевры хореографии.

– Любовь да совет! Горько, горько! – до самой полуночи кричали захмелевшие от обилия напитков и блюд гости, пока друг Валентина по эскадрильи, бывший замполит, подполковник в отставке Анатолий Вершок, не предложил:

– Пора и честь знать, молодых оставить наедине. Пусть вкушают дары любви, чтобы брачное ложе не остыло... Гляди, Валентин, не подведи, не забывай, что ты мастер высшего пилотажа, летчик первого класса.

Гости с шутками-прибаутками, пожелав побольше янтарного меда и детишек, разошлись. Люба и Валентин уединились в спальне, оставив Надю в гостиной за столом с благоухающими остатками пиршества.

– За вас предки, – произнесла девушка, пригубив фужер с шампанским «Новый Свет».

Новобрачные, сгорая и трепеща от желаний и страсти, легли в белоснежную, пахнущую свежестью крахмала постель. Сильной рукой он обнял Любу за талию и привлек к себе, ощущая жар и трепет ее податливого горячего тела.

– Признайся, Валентин, у тебя до меня была женщина и не одна? – неожиданно прошептала она, удивив его неуместностью вопроса. – Ты мужчина видный и статный, как в песне поется: а я люблю военных, красивых, здоровенных ... Но я тебя за это не корю, дело житейское. Для поднятия тонуса мужчине необходима хотя бы два раза в неделю женщина и, конечно, не резиновая. Я тоже красотой и очарованием не обделена, поэтому и ты меня за прошлые романы не смей упрекать. Начнем жизнь с чистого листа. Согласен?

– Согласен. Люб я однолюб. Ты затмила сразу всех женщин. Конечно, у меня была женщина, я же живой человек с естественными желаниями и потребностями, – ответил он. – Но это не стало моим хобби и я не претендую на лавры сердцеда Казанова, как некоторые из знакомых коллекционеров. Я – не евнух, но и не ханжа, мне ничто человеческое не чуждо, в том числе и секс.

– А из тебя замечательный бы получился Казанова, сердцеед-любовник, – она погладила теплой ладонью черный ворс на его груди. – Но теперь ты мой пленник, принадлежишь только мне. Я очень ревнивая и не потерплю других женщин. Запомни это хорошенько. Я теперь тоже Любка – однолюбка, никого, кроме тебя, к своему знойному телу не допущу. Поэтому будем жить душа в душу, и никто не сможет разрушить наше счастье, разбить наши любящие сердца.

– Да не сможет, ведь они у нас не хрустальные, а стальные, – он положил ладонь на ее пышную грудь и пообещал, хмелея от накатившей страсти. – Ты у меня единственная и неповторимая, другие женщины для меня не существуют.

– Ой, ой, держите меня, – шутливо толкнула она его в смуглое плечо. – Зарекался кувшин по воду ходить. Все мужики из одного теста, не упускают случая увязаться за чужой юбкой.

– Я не бабник, имею честь и умею владеть своими чувствами.

– Дорогой, милый, я в этом не сомневаюсь. Просто захотелось тебя немножко позлить. У каждой женщины свой каприз, – она с благодарностью прикоснулась мягкими губами. – Хорошо, что существует такое прекрасное чувство, как любовь, иначе бы жизнь не имела смысла. Я сама, ты уже это понял, не старая дева, не без греха. Но теперь все в прошлом, перевернутая страница.

Ты у меня единственный и желанный. Я, как только в первый раз увидела тебя, дала себе зарок, что это моя судьба. Нам надо подумать о ребенке. Ты ведь желаешь иметь сыночка или доченьку. Если родится девочка, то назовем ее Верой и, тогда будет полный набор: Вера, Надежда, Любовь. Правда, красиво?!

– Красиво, – согласился он. – О ребенке, наследнике, мечтает каждый настоящий мужчина. Дети цветы нашей жизни.

– Да-а, цветы, но, сколько они требуют сил и ухода, бессонных ночей, – вздохнула она. – Надюха из меня все соки вытянула. В раннем детстве часто болела, но я ее выходила, поставила на ноги. Каково мне было одной. А теперь, когда девица выросла, впору под венец, забот не уменьшилось. С сыном было бы проще, ему не надо большой гардероб, косметика и другие аксессуары. Верно, говорят, что большие, взрослые дети – большие проблемы. Для Надежды уж точно придется шить подвенечное платье и фату. Это мы уже вкусили прелестей жизни...

– Замечательная у тебя дочь, красивая, умная и веселая.

– У нас, – поправила Люба.

– Да, у нас, – согласился Валентин.

– Слишком острая на язык, – вздохнула она. – Но детей, как и родителей, не выбирают, их Господь дарит. А дареному коню в зубы не смотрят. На правах моего мужа и отчим, будь с нею строже, чтобы не села на голову.

– Моя шея выдержит, – пошутил офицер.

– Сразу дай понять, кто в доме хозяин, что ты человек военный и вольностей не потерпишь, – продолжила она поучать. – Подарками не слишком балуй, иначе словно цыганка, все деньги вытянет. С зачатием дитя немного повременим. Я запаслась импортными презервативами. Проведем медовый месяц в свое удовольствие. Я так истосковалась по сильным мужским рукам и ласкам. Ты же знаешь, женщина, что кошка. Ее надо постоянно ласкать, холить, если не руками, то словами и глазами. Как приятно их слушать, словно завораживающую музыку. Чаще называй меня своей любимой, красивой, очаровательной и сладкой и я буду только для тебя одного сладкой и желанной...

– Люба, я немногословен, – признался Валентин. – Но постараюсь пополнить свой словарный запас и овладеть искусством обольщения. А вот сочинять стихи не умею, поэтому не обессудь. Для меня слово жены – закон.

– Спасибо, хороший мой, за признание. Читай больше любовных романов и книг по технике секса, – посоветовала она, сбросив с тела дымчато-сиреневый пеньюар. Млея от охватившей ее страсти, распахнув объятия, прошептала. – Я вся я твоей власти, бери меня всю до капельки, я хочу тебя...

Где им было знать, что шалея от желаний, комкая постель, Надежда прислушивалась к звукам, шепоту и сладким стонам, долетавшим до ее чуткого слуха из спальни, где совершалось таинство любви, слияние в экстазе двух тел. Она долго не могла сомкнуть глаз, завидуя матери, соблазненной такого неутомимого мужчину.

Утром за завтраком, бросая на Валентина игриво-лукавые взгляды, Надя заявила:

– Поздравляю вас с боевым крещением, первой брачной ночью. Вы уже решили мне подарить братика или сестренку, а может и близнецов? Валентин – мужчина крепкий, породистый, да и ты, мамка, в цветущем детородном возрасте. Сделаете из меня няньку-сиделку. Придется ради вас пожертвовать учебой, оставить университет.

– Угомонись ты. Никто из тебя не собирается делать няньку. Со своими детьми будешь нянчиться, когда время придет, – оборвала ее Люба. – Это наше с мужем личное дело. Сколько тебе об этом можно говорить? Слово горюх о стенку. Не вторгайся в чужую интимную жизнь, веди себя тактично и деликатно. Лучше сосредоточь внимание и энергию на учебе.

– А-а, забодала ты меня своей старой моралью, – парировала дочка наставления и предложила свой вариант. – Надо жить раскованно, играючи по законам природы, а не порочного общества. Любовь – это азарт, игра и отношения между мужчиной и женщиной, как в дикой природе, должны быть естественны и приятны, тогда и дети родятся здоровые и красивые, как цветы.

– Это уж точно, ты у нас, как дикая роза с острыми шипами, – подколола ее Чародева-Тернистых.

– Красота должна быть защищенной, – улыбнулась Надежда. – Старшего брата у меня, увы, теперь уже никогда не будет, чтобы при необходимости защитил от сексуальных и других домогательств. Может вот папочка Валентин, когда пожалеет и защитит от обидчиков.

– Так точно! – с готовностью произнес Валентин. – Ты, дочка, не стесняйся. Бог меня силой не обделил, поэтому сумею и за тебя, и за твою матушка, мою жену постоять.

– Не хватало нам еще для полного счастья скандала и объяснения с милицией, – встревожилась Люба, словно это уже назрело и велела дочери. – Ты веди себя скромно, не строй никому глазки, не провоцируй ребят на драки. Молодые телки глупые, как что, сразу кулаками доказывают свою любовь.

– Мам, что же мне ходить в парандже, как Гульчатай или монашке-послушнице, прятать свое очаровательное личико. Я же не виновата, что вся в тебя уродилась, что во мне бурлят твои гормоны и все видят, какая я красивая, изящная и соблазнительная, словно свежая клубничка...

– Клубничка, ты насчет гормонов держи себя в руках, не давай им воли, – насторожилась мать. – Сначала получи диплом, а потом и под венец. А пока не усложняй свою и нашу жизнь.

Надежда не поленилась, встала с кресла. Грациозно, как балерина, прошла по паласу, мягкими движениями рук обозначив упругую грудь, тонкую талию и красивые бедра вполне созревшей и знающей себе цену женщины. Отчим проводил ее восхищенным взглядом, с опозданием заметив, что это не понравилось жене, перехватившей его взгляд.

– Живо сядь на место! Устроила смотрины. Еще придет твое время, не торопись, – с упреком остановила она дочку. Та, слегка нахмурившись, села в кресло, положив левую ногу на правое колено, открыв перед Валентином красивое тело до белых с кружевными краями трусиков. Кокетливо, украдкой взглянула на него. Тернистых не выдержал этой пытки, поднялся.

– Пойду на балкон, покурю, – произнес он, боясь встретиться взглядом с женой.

– Ты же ведешь здоровый образ жизни, занимаешься гантелями, штангой? – удивилась жена. – Или что случилось?

– Все в норме, – ответил он. – Иногда позволяю себе закурить, но не сигару, а слабые, почти женские сигареты с ароматным дымом. Кстати, Надя, ты слишком увлекаешься курением? Хотя среди молодежи, особенно студентов – это модно, фетишизм, признак взросления.

– Нет, – ответила девушка и по интонации ее голоса, он догадался, что она поняла причину его неожиданного волнения. Он решил закурить, чтобы не вызвать подозрений со стороны Любы.

– И не собирайся начинать. Табачный дым испортит персиковый цвет лица, появятся морщины, – блеснул он познаниями косметолога. – Больше ешь моркови и другие свежие овощи и фрукты.

– И тогда превращусь в крольчиху, – пошутила она.

– Это будет самая очаровательная крольчиха, – улыбнулся Валентин. «Похоже на флирт, – с удовлетворением подумала девушка. – У него ко мне появился мужской интерес. Я почувствовала, как своим нежным взглядом он обласкал мое тело, словно на нем не было одежды. В нем проснулся неистребимый азарт охотника, преследующего дичь».

Надежда очень быстро ощутила дефицит внимания со стороны матери. Новый муж застил ей свет. Днем, когда Надежда была на занятиях, и ночами они предавались любовным утехам. Прежде до появления Валентина, она частенько баловала ее. Подкидывала денюжат (на стипендию ведь не прожить) на обнову, косметику и другие девичьи потребности. А то вдруг стала слишком рачительной и даже зажимистой.

Девушка поняла, что всему виновник – отчим, лишивший ее материнской ласки и заботы. Однажды майор, войдя в ванную, не обнаружил свою зубную щетку. «Может, случайно, кто перепутал», – посетовал он, шуметь не стал, купил три новые. Пропажу неожиданно обнаружил, когда высыпал отходы из ведра в мусоропровод. Зеленая ручка щетки промелькнула в отверстии трубы.

В следующий раз он не увидел на привычном месте подаренный ему женой бритвенный станок «Макс-3» и тогда понял, чьих это рук дело, но скандалить не стал.

– У нас в квартире завелся домовый или барабашка, – полушутя сообщил Валентин. – Этот разбойник совершает мелкие пакости. Сначала он выбросил мою зубную щетку ведро для мусора, а сегодня увел бритвенный станок. Наверное, решил сбрить бороду. Если так и дальше дело пойдет, то он доберется до стенки, разнесет хрусталь и фарфор, телевизор и вазы не пощадит. А ведь это Надино приданое. Надо принимать срочные, адекватные меры, ставить ловушки или капканы, травить дихлофосом или мышьяком.

– Это Надька-барабашка,– поняв, о чем речь, сообщила Люба.– Больше некому, малых детей в квартире пока нет. В нечистую силу я не верю.

– Надя, тебе станок на глаза не попался? – мягко спросил он.

– Больно мне надо. Сами охраняйте свои станки,– заявила она из-за приоткрытых дверей гостиной.

После нескольких минут поиска Тернистых обнаружил станок под ванной. С этого дня свои гигиенические принадлежности он прятал в походном чемодане. Но и это не остановило Надежду. Вечером, одевая туфель, он почувствовал в его глубине что-то неприятно вязкое. Поспешно вынул ступню, носок был испачкан зубной пастой. С Любой он собирался в Крымский академический русский драматический театр на спектакль «Веселая вдова». Настроение было испорчено и время упущено.

– Вот Надька, змея! – впервые от супруги он услышал бранное слово. Она повздорила с дочерью. Валентин благоразумно не вмешивался в конфликт. Утром, ни свет, ни заря, Надежда с покрасневшими от бессонницы глазами, собрала в рюкзак вещи.

– Надюша, ты куда?– сменила гнев на милость, спросила подбровная мать, давеча умиротворенная мужскими нежностями.

– К черту на кулички! – огрызнулась дочка и, чуть поостыв, добавила.– Поеду на дачу готовиться к зимней сессии. Вы мешаєте мне нормально заниматься и отдыхать. По ночам охаете и ахаете, не квартира, а дом терпимости.

Напоследок, больно ужалив, хлопнула она дверью.

– Погорячилась ты с Надей, надо было ей предложить мою однокомнатную квартиру,– посетовал Тернистых.– На период нашего медового месяца. А то, действительно, в квартире высокая слышимость и мы мешали ей спать. Получается, что выжили.

– Ничего, пусть умерит свой пыл, обуздает характер. Твоя однокомнатная отдельная квартира для нее слишком жирно,– возразила Люба.– Начнет туда подруг водить и вечеринки устраивать. Понимаешь, во что они могут ее превратить? В притон проституток и наркоманов. С милицией возникнут неприятности. Нет, упаси Господь. Молодежь нынче распущенная, как они сами признаются, без комплексов и предрассудков. За Надькой еще нужен строгий присмотр. Твою квартиру сдадим внаем, лишняя валюта не помешает.

– Не помешает,– согласился он, отметив практичность супруги. На том и решили. Тернистых перевез в квартиру Чародеевых самый необходимый скарб, личные вещи, а однокомнатную сдал новобрачной паре Оксане и Константину.

– Пусть Надька поживет на даче, заодно и охраняет ее, а то совсем стала вредной,– поделилась своими мыслями Люба. А летом мы сами поселимся на даче. Там такая прелесть, цветы, фрукты, овощи и ягоды. Свежий воздух, рядом сосновый бор. Тебе очень понравится.

– Если тебе нравится, то мне и подавно, – подтвердил Валентин, во всем соглашаясь с супругой.

4. Запретный плод

—Надежда у нас обидчивая, капризная, как бы чего с собой не сотворила,– через два дня после отъезда дочери заволновалась Чародеева-Тернистых.– Я бы и сама к ней съездила, но завтра у меня напряженный день – выставка – презентация новых моделей мужской и женской одежды. Будь добр, Валентин, навести Надю. Успокой, скажи, что мы ее, нашу доченьку, любим и жалеем. Я думаю, что у тебя это получится. Она, хоть и вредная, но добрая, долго зла не держит.

– Так точно, Люба, будет сделано,– принял он предложение.– Без Надежды в квартире все же скучно. Наверное, правильно говорят, что любовь без ссоры, что суп без соли.

– Мы ведь с тобой не ссоримся,– улыбнулась она.– Надеюсь, что до этого дело не дойдет?

– Я так сказал, к слову,– заметил Валентин и поинтересовался.– Сама приедешь на дачу?

– Вряд ли. После презентации, сам понимаешь, фуршет-банкет. Чувствую, что от всей суеты устану, на ногах не буду стоять. Отдохну одна в квартире. Нам полезно сделать небольшой перерыв, а то пресытимся,– ласково улыбнулась жена. – Всего должно быть в меру, даже меда. Но ты не задерживайся. Ночь ради приличия побудь и возвращайся, иначе я умру от скуки. Надька тебе за один день успеет настроение отравить, ей палец в рот не клади. Держи себя с ней строже, а то с ногами на шею заберется.

– Смотри, Люба на этом фуршете-банкете никому глазки не строй,– строго предупредил супруг.– А то знаю, чем все кончается.

– Не ревнуй, я – верная жена,– ответила она, довольная его равнодушием к себе. Вечером в полупустом вагоне пригородной электрички он добрался до дачного поселка. По схеме, нарисованной Любой, без труда нашел одноэтажный с двумя комнатами под серым шифером дом. По освещенному квадрату окна определил, что Надежда дома. Прошел через слегка заснеженный палисадник с голыми деревьями и кустами роз, крыжовника и смородины к аккуратному крылечку под козырьком. Нажал на кнопку электрозвонка: короткий, длинный и короткий условный сигнал, как велела Люба. Услышал шаги, звук щекотки и звон цепочки. В проеме открытой двери увидел Надежду.

– Ой, не ожидала, каким ветром? – просияли ее глаза.– Я думала, что это мамка пожаловала. Заела ее совесть, вот мол, и прикатила, а это вы, ты...

– Проходи Валентин. Сейчас мы маленькую пирушку закатим,– весело пообещала девушка и приказала.– Давай-ка, журнальный столик поближе к камину, здесь тепло и уютно. Он поднес столик и огляделся. Просторная комната со старой мебелью, стенкой, диваном, креслами и стульями, очевидно, свезенными сюда из квартиры взамен вновь приобретенной. На полу старый, немного обветшавший палас.

– Мы здесь ничего нового и ценного не держим, потому что могут залезть воришки и почистить,– пояснила Чародеева.

– Оттуда у скромной труженицы прилавка такая симпатичная дача?– произнес он, шутя и не требуя ответа.– Есть, конечно, и роскошнее, но и эта не хилых стоит денег.

– Пока ты на Мигах охранял огромное небо,– пропела Надя.– Мама время даром не теряла. Бабушкины и дедушкины сбережения. Они умерли, царство небесное. Продали дом в селе, то да се, вот и получилось уютное гнездышко. Она собрала на стол холодные закуски, аккуратно нарезала и разложила на блюдечках колбасу, сыр, дольками лимон и апельсины. Валентин открыл консервы со шпротами и печенью трески. Потом, почему-то оробев, достал из пакета, купленный на вокзале букетик цикламена Кузнецова и подал Наде.

– Это тебе за все печали и неприятности. Ты не обижайся.

– Спасибо,– она смело поцеловала его в губы и он, едва не задохнулся от ее пылких и страстных губ. Окинул взором скромную сервировку.

– Не рассчитывал на теплый прием,– признался он.– Я бы купил хорошее вино или ликер. Помню, когда я впервые появился в вашей квартире, ты меня встретила настороженно. Ну, думаю, житья не будет, срочно надо идти на взлет, а теперь чувствую, что приземлился удачно и надолго.

– Не огорчайся, Валек, что-нибудь придумаем,– успокоила она.– У мамки и здесь запасы на всякий пожарный случай, а сейчас именно такой.

Надя, как пантера изогнулась гибким станом в фиолетовой блузке и синих джинсах и открыла старинный из красного дерева комод. Достала за горлышко длинными пальцами сначала бутылку водки «Столичной», а потом вина «Мускат». Вытерла пыль салфеткой и водрузила на стол.

– Открывай! – велела с озорством в сияющих глазах.

– Не много ли? Захмелеем и наделаем глупостей?– в унисон ее веселости спросил Тернистых.

– Если будет мало, то в запасе есть коньяк,– улыбнулась она.– Ты сильный, закаленный в боях мужчина, поэтому тебе водка, а я слабая неразумная девушка, согласна и на вино. За приятную встречу и согласие следует выпить до дна. Спасибо за то, что приехал. Я от тоски, одиночества и зубрежки чуть не зачахла.

– Люба велела тебя навестить. Понимаешь, материнское сердце – не камень,– сказал он, наполнив бокалы вином и водкой.

– Сам не догадался бы навестить грустную девушку? – она капризно поджала, даже без губной помады, сочные и алые губки.

– Ну, знаешь, не все сразу. Со своим уставом, как говорится, не суйся в чужой монастырь,– заметил Валентин.

– Насчет монастыря, верно, сказано,– похвалила Надежда. – Матери с молодых лет не повезло на мужчин. Отец сбежал еще до того, как я родилась, а у других ухажеров одно на уме: сделал дело – гуляй смело. И где она тебя такого видного и солидного присмотрела? Ах, да в магазине на старости лет счастье привалило.

– Твоя мать молодая и очень симпатичная женщина, заботливая и аккуратная хозяйка,– поправил он.

– Для любви этого мало,– возразила девушка.– Бывает, что неряшливых любят сильнее, чем чистюль. Такой вот парадокс. Любовь – это как вспышка, озарение и ей все возрасты покорны. Пушкин тонко понимал женщин и знал толк в любви. До встречи с Натальей Гончаровой у него было много прелестниц.

– Ты для своих лет слишком рассудительна.

– Не забывай, что я учусь на факультете психологии, изучаю суть человека, мотивы его поведения и поступков.

– С тобой надо ухо остро держать. До защиты диплома еще три года, а уже вооружена глубокими знаниями и очень опасна,– с иронией произнес он и поднял бокал. – За успешную сдачу экзаменов и зачетов.

– А-а, пустяки, обойдется, я и так уверена, что сдам,– прервала она.– Лучше давай выпьем за взаимопонимание и верность. А следующий тост за тобой.

– Прекрасное предложение,– поддержал он охотно.– Когда нет взаимопонимания, происходят драмы и трагедии.

– Шекспировские трагедии, – уточнила Чародеева. Каждый выпил свой бокал до дна. Она потянулась к дольке лимона, он почему-то последовал ее примеру. Закусили шпротами и запили «фантой».

– Как любит выражаться мама, после первой и второй промежутков небольшой, – пропела девушка.– Ты разливай по бокалам, а я включу магнитофон, а то сидим, как на поминках, осталось только свечи зажечь. Недавно певица Валерия выдала новый шлягер. Послушаем, очень под настроение.

Она вставила кассету в гнездо магнитофона “Sony” и нажала на кнопку. Зазвучала музыка, и знакомый голос певицы пронзительно ворвался в сознание: “Не обижай меня, не обижай меня... разошлись, как море корабли”...

«Действительно под настроение,– подумал Валентин, не узнавая в Наде, ранее ершистую девушку со строптивым характером и недоверчивым взглядом. Постепенно она привыкла к нему, оттаяла, потеплела. “Может ее, сдерживали строгие наставления матери и вот теперь предстала в своей раскованности и загадочно магической женственности».

Еще в присутствии Любы он обнаружил, что ему доставляет удовольствие наблюдать за Надей, ее плавными движениями, видеть ее лицо, васильковые, как ласковое небо, глаза, сте-

кающие на плечи мягкие, словно лен, волосы. Она почувствовала на себе его нежный взгляд и кокетливо предложила:

– Выпьем на брудершафт.

– На брудершафт? Значит, мы должны поцеловаться? Или какой другой ритуал?

– Почему бы и не поцеловаться со своей дочерью. Что здесь такого? Или я тебе не нравлюсь?

– Нравишься, но как дочь моей жены, всему есть предел,– напомнил он.

– Никаких пределов, отвыкай от своих армейских уставов. Пока ты на своем истребителе витал в облаках, жизнь на земле, отношения радикально изменились, – она переплела свою изящную руку с его сильной рукой.– Поцелуи даже очень полезны, врачи рекомендуют.

Они выпили, Чародеева смело впиалась мягкими, теплыми и ароматными от вина губами в его уста. Он ощутил необыкновенную прелесть и свежесть ее поцелуя. Девушка прижалась к нему своей упругой грудью. Они стояли несколько минут, не разнимая губ и рук.

– Наденька, Надюша, опомнись, мы сходим с ума, надо остановиться,– прошептал он, не в силах разомкнуть руки на ее гибкой, словно у пантеры, талии.

– Не робей, от поцелуев дети не рождаются, – нежно прошептала она, слегка прикусив острыми зубами мочку его уха. А Валерия все пела: «Не обижай меня, не обижай меня...»

–Погоди, я сейчас мигом, а ты подбрось дровишек в камин,– велела Надя и вышла в смежную комнату. В камине на сизой горке пепла лилово-красными углями горели поленья. Валентин пошевелил стальной кочергой, вспыхнули языки пламени. Он бросил сухие березовые с янтарной смолой поленья, пламя облизало их с боков. «Очищающий душу огонь,– подумал он.– Как хорошо в зимний вечер сидеть у камина и ощущать волны тепла».

Появилась Надя в лилового цвета блузке и короткой черной юбке, плотно облегающей бедра, стройные ноги без колготок. Стройные длинные ноги и красивые колени. Она несколько раз обернулась перед Тернистых, вытянувшись в струну и выпрашивая заслуженный комплимент.

– Чертовски красива и соблазнительна! – произнес он с восторгом.

– Будем считать это твоим первым тостом,– рассмеялась она и, повинаясь ее воле, Валентин наполнил бокалы, в глубине сознания понимая, что надо остановиться. Выпили. Пережевывая бутерброд и закусывая лимоном, Надя спросила:

– Ты теперь мой папочка, так?

– Так, но можешь называть меня Валентином, я без претензий на роль папы.

– А дочери обычно любят сидеть у своих отцов на коленях,– она приблизилась к нему, горячо дыша и блестя ровными зубами.– Мне в детстве не довелось посидеть у отца на коленях, я хочу восполнить эту потерю.

– Надь, успокойся, у тебя какие-то странные желания и фантазии. Мы так можем слишком далеко зайти и наделать глупостей. Ты выпила лишнее, да и я пожалуй, увлекся. Нам надо остыть, отдохнуть.

– Всего один разочек, пожалей свою несчастную и одинокую дочку,– с мольбой прошептала она, неудержимая в своем порыве. Ловко устроилась у него на коленях. Валентин обхватил ее теплые бедра и почувствовал, что под юбкой с молнией на боку никаких препятствий. Бережно погладил мягкий лобок и напрягся от нахлынувшей страсти.

«Будь с ней строже, иначе с ногами на шею заберется,– вспомнил он напутствие Любы и сам себе ответил.– На шею еще не забралась, а на колени уже». У него возникла мысль сейчас же осадить ее и как следует отшлепать по пухленьким ягодицам, чтобы впредь неповадно было. Но он ощутил ее знойное желанное тело и крепкие девичьи бедра.

– Надя остынь, родная, научись управлять своими чувствами,– уговаривал, чувствуя, как засасывает его в сладко – хмельной омут. «А кто я ей собственно? Отчим, чужой человек, – с

закипающей кровью подумал он и сдался.– Если ей так хочется, то в первый и последний раз. Люба ни о чем не узнает».

– Всего один разочек, тебя не убудет, ты же мужчина, докажи это на деле, покажи свои способности. ...– горячо, задыхаясь от охватившего ее желания умоляла она.

– Научись управлять,– безнадежно вторил он в ответ.

– Быстрее бери меня, а то я передумаю, – простонала она Молодое, гибкое тело затрепетало, словно последний багряный листок на оголенной ветке. Искусной наездницей она, плавно двигалась сверху вниз, ускоряла темп и прилив блаженства. Валентин поймал своими губами ее полуоткрытые, пылкие губы, прижал к себе матово-жасминовую упругую грудь. Она вскрикнула, сладко застонала, достигнув пика наслаждения. Они отдохали, не разнимая жарких объятий. В ярко освещенном камине потрескивали, охваченные пламенем поленья.

– Надь, Надя, что мы с тобой делаем?– их тела слились в едином желании, никакая сила не способна была их разнять, освободить из сладкого плена чар.

– Теперь ты моя Лолита,– произнес Валентин.

– А-а, читала роман Набокова, когда мне еще пятнадцать лет не стукнуло, – небрежно ответила Надежда.– Нашел с кем сравнить, я – взрослая женщина, а та нимфетка. Валентин, я чувствую, что между нами возникла «химия», – призналась она и пояснила.– С ровесниками неинтересно, слишком они хвастливые и болтливые. Будто сороки-белобоки щебечут о своих «постельных подвигах». Я доверяю зрелым мужчинам, умеющим держать язык за зубами. Тайна интимных отношений, принадлежащая влюбленным, не подлежит разглашению.

– Абсолютно с тобой согласен, – одобрил Валентин. – Но не забывай, что я уже окольцован, женат на твоей матери.

– Не имеет значения. Главное, что мне с тобой безумно сладко, а пацаны, как кролики, быстро устают и отваливают.

– Забавляясь, мы может с тобой и ребеночка сотворить,– заметил он. – Другое дело, если бы у тебя была спиралька, но таким юным, как ты не ставят. Надо было не торопиться, а с резинкой. Люба запаслась, я тоже прихватил с собой две упаковки, словно чувствовал, что пригодятся. Но все, ты просила только разочек, больше никакого секса. Люба узнает, нам обоим головы оторвет...

– Не узнает, а через чехол неинтересно,– заметила Чародеева. – Все равно, что лизать сахар через стекло стакана. Для профилактики, чтобы не зачать я ем лимоны. Кислотность убивает сперму. Так делают многие девчонки в университете, чтобы не забеременеть. А испытать наслаждение и оргазм очень хочется. Один раз живем на белом свете и глупо отказывать себе в удовольствиях, все откладывать на потом. Любовь мимолетна, как и молодость, красота, облетит как яблоневого цвет.

– И что, лимоны предохраняют?

– Пока не слышала, чтобы кто-то из близких подруг залетел.

– Могут заразиться сифилисом, гонореей или СПИДом?

– Пусть спит, – усмехнулась Надя.– Чему суждено случится, того не миновать.

– Ты – фаталистка.

– Я – очень темпераментная и сладострастная, рождена для любви.

– Все рождены для любви,– улыбнулся он и признался. – Мне тоже нравится, когда ничего не препятствует интимной близости. Все должно происходить естественно, как в природе...

Надежда закрыла ему рот поцелуем, прильнула горячим гибким телом, и он вновь овладел ее страстно с упоением, стремясь раствориться в ее хмельном теле, дарующем наслаждение. «С Любой это происходит, обыденно, без фантазии, яркости и свежих ощущений, испытываемых с Надей»,– подумал Тернистых с радостью и тревогой.

Они выпили еще по бокалу. Валентин поднял ее на руки и отнес в смежную комнату. Легли в постель, прижавшись друг к другу, прислушиваясь к биению сердец. Он ощущал запах ее золотистых волос, трепет желанного тела.

– Грешен, виноват перед Любой, – покаялся он.

– Все люди на земле грешны только тем и занимаются, – успокоила Надя и, положив голову со спутанными волосами на его грудь, прошептала. – Пожалей меня. Я такая одинокая и никому не нужная. Раньше хоть мамка обо мне заботилась, а теперь все внимание тебе.

– Потому ты и норовила мне насолить?

– Чтобы обратил на меня внимание. Я приревновала тебя к матери.

– Значит, требуешь от меня откупной, компенсации? – усмехнулся Валентин, невольно подавая ее уговорам.

– Ты сильный, крепкий мужчина, нерастраченный, потому что полжизни в небе провел, как орел, тебя не убудет, – уговаривала она. – К тому же медики утверждают, что воздержание для мужчины вредно.

– И все ты знаешь?

– Эмансипация, прогресс, – ответила она. – Надо торопиться жить, красиво и с наслаждениями. Другой не будет. Все тлен и прах.

– Тебе еще рано об этом задумываться.

– Девичья краса не вечна. Соперницы идут по стопам, – с грустью произнесла Чародеева. – А связь с любимым человеком омолаживает женщину, делает ее радостной и красивой, спасает от неврозозов и других болячек.

– Значит, мужчина лекарь, врачеватель, – улыбнулся Тернистых.

– И не только, ведь мужчина – скрипач, а женщина – скрипка, тонкий и нежный инструмент. Вот и покажи, какой ты виртуоз, – подогрела она его ласками и словами, используя знания, секреты психологии. Провела пальчиками по его чувственным губам.

– Ты же просила всего разочек, – напомнил он, отдаваясь ее ласкам.

– Где разочек, там и два, и три... – прошептала она, понимая что он уже в плену ее чар.

– Все-таки не будем рисковать, – сказал он, распаковывая презервативы.

Всю ночь они провели в хмельных любовных утехах, меняя позы. Утром Валентин намеревался отбыть в город, помня наставление жены, долго не задерживаться. Но поймал на себе печальный взгляд Надежды и прочитал в нем призыв: останься.

– У тебя усталый вид, припухшие от поцелуев губы и мамка сразу догадается о нашей близости, – разумно предположила она. – Отдохни, выпись. Я не буду к тебе приставать, если ты сам этого не захочешь.

Тернистых остался. Достали из комода бутылку коньяка “Ай-Петри”, взбодрились, позавтракали и в теплую постель.

5 . Покаяние

—Валентин! Надюша! Где вы! – услышали они голос Любы и оцепенели, затаились. Тернистых с ужасом понял, что увлеченные друг другом, охваченные безумной страстью, они не услышали, когда Чародеева открыла входную дверь.

– Не шалите, как малые дети. Наверное, изголодались, я привезла продукты.

По нарастанию звучания голоса он догадался, что жена направляется в смежную комнату. Надежда сжалась в комок, с головой укрылась одеялом, словно оно могло сокрыть следы прелюбодеяния.

– Вот тебе и пожалел, разочек-другой ... доигрались, – прошептал Валентин и потянулся к брюкам висевшим на спинке стула. Дверь отворилась, и он встретился с застывшим, словно

на морозе взглядом Любы. Она остановилась у порога, как вкопанная, уставившись на силуэт под одеялом и обнаженное тело супруга.

– Что это значит? – произнесла побледневшими губами. Валентин смущенно опустил голову, поспешно натянул на ноги брюки.

– Что это значит? – повторила она и решительно устремилась на двуспальное ложе со сползшейся на пол скомканной простыней. Резко сдернула одеяло и увидела обнаженную и дрожащую от испуга Надю.

– Ах, ты, шалава-а! – ударила она дочку по щеке и бросила гневный взгляд на мужа. – Хорош, ничего не скажешь, товарищ майор, однолюб. Что же вы наделали? Мало вам моей нежности, до дочери добрались кот мартовский, лицемер и бабник. Кто она теперь после этого? Я себе там места не нахожу. Уехал и с концами, а они вот чем занимаются. Стыд и позор! Ты же говорил, что для тебя других женщин не существует?

– Люб, Люба, успокойся, ничего страшного не произошло. Она же не другая женщина, а твоя дочка, – взял он ее за дрожащую от негодования и потрясения ладонь. – Выпили немножко, согрелись. Я ее пальцем не тронул, просто лежали рядышком, чтобы не замерзнуть.

Солгал и густо, как юноша-гимназист, покраснел.

– Не тронул, рядышком лежал и рассказывал ей сказку про серого бычка. Почему она тогда в чем мать родила? Лежали и друг друга лизали. У нее, да и у тебя, от поцелуев губы распухли, – возразила Чародеева, и метнула взгляд на использованные презервативы, лежащие на паласе. – Бесстыжие, хоть бы, не поленились и «чехлы» спрятали. Может, для экспертизы оставили?

– Виноват, Люба, сам не знаю, как это произошло, – покаялся Валентин. – Надя на тебя так похожа, что мне показалось, что это ты, мое сокровище. Наверное, лишнее выпил.

– Гуляйте дальше, мне противно вас видеть. Сегодня же подам на развод, – заявила она, и слезы блеснули на ресницах.

– Люба, не делай из этого трагедии, не совершай глупости, – Валентин взял ее за руку, но она вырвалась, отмахнулась.

– Не прикасайтесь ко мне, вымой руки.

– Я все объясню.

– Не надо мне никаких объяснений, все и так ясно, господин майор, – сухо отрезала Люба. – Я бы вам и лейтенанта не присвоила. Вы – самец, не умеющий владеть своими чувствами. Зачем вы соблазнили мою дочь? Теперь она пойдет по рукам. Вас за это следует привлечь и выставить на позор.

«Это она сама, – так и подмывало его ответить, но Валентин постыдился обвинить Надю, и в мыслях посетовал. – Ох, уж эти бабы, сами ловушку подстроят, а потом еще и обвинят. Другое дело, если бы Надежда была девственницей, а она уже довольно искушенная в сексе». Люба, размазывая слезы на лице, вышла из спальни, а затем они услышали стук входной двери. Облегченно вздохнув, Надежда выглянула из-под одеяла.

– Эх, Надька, бестия ты шальная. Позабавились мы с тобой, – произнес он, глядя на ее пылающее от пощечины лицо. – За все платить надо, в том числе и за удовольствия.

В девичьих глазах не было ни раскаяния, ни печали, а лишь затаенное любопытство.

– Тяжела у мамки рука, словно из чугуна отлитая, – вздохнула Чародеева. – Но сердце доброе. Вот увидишь, Валек, она посердится и простит. Все-таки разумная женщина, а не бревно. А если будет и дальше пугать разводом, то не возражай.

– Что нам с тобой делать? – скорее спросил он у себя, чем у нее.

– Как что? – удивилась она. – Мне с тобой очень хорошо. Мы будем тайно встречаться.

– Нет, Надюша, мне тоже с тобой безумно сладко, но довольно. Не все коту масленица. Готовься к сессии, а у меня есть законная жена.

– Жена не стена, можно и подвинуть,– усмехнулась она лукаво и словно дикая пантера потянулась к нему гибким соблазнительным телом.

– Я поеду. Люба еще от огорчения руки на себя наложит,– произнес Валентин и, вспомнив старинный романс, заметил.– Не искушай меня без нужды.

– Давай еще разочек в утешение за мамкину пощечину, – попросила она, преданно с нежностью глядя ему в глаза. – Пожалей свою приемную дочку на прощание. Все равно узелок развязался ... Вижу, что тебе тоже для снятия стресса хочется?

– Ты права, теперь уже терять нечего, – произнес он и упоением овладел ее великолепным телом, подавшимся ему навстречу словно перед долгой разлукой.

– Приезжай еще, Валек, тайно от мамки, я буду ждать, – попросила она. – Ты самый сладкий мужчина.

Он взглянул на сияющую тихим светом Надю, поспешно оделся и покинул дачу. Мысль о Любе холодным душем окатила его тело. Предстоял тяжелый разговор.

До города добрался на последней электричке. Любу нашел в темной спальне хмурую и замкнутую. Она лежала в верхней одежде с распухшим от слез лицом и вызвала в нем прилив жалости и нежности. Валентин осторожно присел на край постели.

– Люба, родная, прости меня, больше не повторится. Давай помиримся, – тронул он ее за плечо. Она отстранилась, словно от прокаженного.

– Ты растоптал нежные цветы нашей любви,– промолвила она с печалью.– Еще наш медовый месяц не закончился, а ты с другой устроил пир. Стахановец, многостаночник.

– Хватит об этом,– попросил он.– И так чувствую себя грешником. Думал, приласкаю, утешу девочку, твою дочку, она ведь так одинока. Я занял в твоём сердце ее законное место. Она это поняла, потому и затаила на всех обиду. Да, что мне тебе объяснять, ты умная женщина и сама все видела. Так вот получилось, бес попутал. Но ведь это твоя дочь, а не чужая посторонняя женщина. Поэтому то, что произошло, нельзя назвать изменой. Увлёкся, вообразил, что это ты рядышком, ведь вы так похожи...

– Это ты Надьке байки рассказывай, когда в следующий раз сольетесь в экстазе, – преврала она его покаянную речь. – Удобная у тебя логика, значит можно спать с женой и ее дочерью, как в гареме?

– Следующего раза не будет. Я все осознал и сделал выводы,– заверил Тернистых и подумал с недоверием: « А может, она сознательно подложила под меня свою дочь, чтобы проверить на верность? Заранее с ней сговорилась и спровоцировала скандал?»

– Хотелось бы верить, но секс для мужчины – это сладкая отравка,– вздохнула она и положила теплую ладонь на его колено.– Наверное, весь пыл, весь порох на Надьку – пиявку израсходовал?

– В моем арсенале еще не иссякли запасы энергии и азарта,– улыбнулся он, поняв, что Люба простила. Отходчивое женское сердце.

– К Надьке больше не смей прикасаться, а то сообщу ее настоящему отцу Роману, бывшему уголовнику, и он тебе ребра пересчитает и превратит в пиццу,– погрозила она.– Моли бога, чтобы у нее после твоей трогательной заботы ничего не зацепилось. На аборт пошло.

– Так ты за уголовником была замужем? Почему скрыла? – опешил он.

– Ты меня не спрашивал, налетел, как ураган со своей страстью. Роман потом стал уголовником, а до женитьбы был тихим ягненком. Вскоре проявилось тяжелое наследство, родительские гены, – сообщила она. – Связался с бандитами, «крышуют» палатки и комки на рынке.

– Ради бога, ничего ему не сообщай, сами по-семейному разберемся, – встревожился майор и сознался в грехе. – После секса с Надей последствий не будет Я – не глупый баран, действовал осторожно с презервативами.

– Ладно, ударник интимного труда, на первый раз прощаю,– пожурила его жена.– Погляжу, выдержишь ли ты вторую смену?

– Не ударю в грязь лицом, – охотно пообещал он, ощутив теплоту в ее голосе.

– Надька пусть с неделю посидит на даче под домашним арестом, – сурово изрекла Люба. – Это ты привез водку, коньяк и вино на дачу?

– Нет, Надежда где-то раздобыла.

– Раздобыла – а, – хмыкнула Чародеева-Тернистых. – Из моего НЗ умыкнула. Я же ко дню рождения приберегала. Конечно, после такого застолья тебя на «клубничку», на молоденькое тело потянуло. Захотелось разнообразия.

– Люба-а, мы же с тобой помирились?

– Дура, старая овца. Почти до сорока лет дожила, а ума не накопила, – вздохнула она. – Сама тебя подтолкнула в ее объятия. В кого она только такая уродилась, своего шанса не упустила. Наверное, в отца непутевого. Вот и получилось, как в песне, «сладку ягоду рвали вместе, а горькую ягоду я одна». Как только появился плод горячей любви, сбежал, ни слуху, ни духу. Вырастила и вот тебе благодарность за все. Ты взрослый мужчина должен соображать к чему могут привести любовные шалости?

– Виноват, не устоял.

– Удобная позиция. В темноте он не разглядел, кого обнимает. Напился что ли до чертиков? Оно, конечно запретный плод всегда слаще. Молодая, красивая птаха старую всегда перепоеет, а тем более ночью.

– Ты вовсе не старая, – Валентин бережно вытер слезы на ее щеках и заключил жену в крепкие объятия, поднял на руки и отнес в спальню, положил на широкое ложе. Медовый месяц был продолжен.

6 . Сладкая отравка

Спустя неделю, Надежда возвратилась с дачи в квартиру. Утром, поднявшись раньше всех, и на ходу позавтракав бутербродом с ветчиной и выпив чашечку кофе, она умчалась в университет.

– Похоже, моя взбучка не прошла бесследно, дочка серьезно взялась за учебу, и ведет себя прилично, – поведала супругу довольная его нежностью Люба и нехотя поднялась с теплой постели.

– Да-а, Надежда делает успехи, понимает, что без диплома и влиятельных связей в этой жизни придется туго, – отозвался Тернистых и тоже оставил постель. Отправился принимать водные процедуры. Люба привела себя в порядок: закрепила лаком прическу, подкрасила ресницы и губы и, соблюдая диету, что как Надька быть тонкой и звонкой, заторопилась в универмаг.

– Не скучай, милый, – улынулась она и, помня, что путь к сердцу мужа лежит через желудок, напомнила. – Завтрак и обед, первое и второе не плите. Обязательно пишу разогрей, чтобы не схлопотал язву или гастрит. Разрешаю немного выпить коньяка для аппетита и настроения.

– Спасибо, родная, – Валентин прикоснулся губами к ее теплой щеке и пригласил. – Приходи на обед, здесь же рядом.

– Ой, не смогу, у меня много забот, поступила большая партия товара. Вечером, когда дочка возвратится с лекций, поужинаем вместе при свечах, – пообещала она. – Люблю я тихие семейные вечера. Поиграем в карты или лото. Славе Богу, что все уладилось.

«Действительно, слава Богу», – подумал он, проводив жену от порога до лифта. Возвратился в опустевшую комнату, включил телевизор и прослушал утренний выпуск новостей. «Надо бы поискать себе работу, а то от безделья обленюсь и одряхлею», – посетовал он и решил, что после хмельной ночи следует освежиться в ванне, благо с горячей водой проблем нет. Дом «консолевский» с автономной системой отопления, кондиционерами

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.